

АННА
ЛУГОВСКАЯ

ВЯЧЕСЛАВ
ЗИЛАНОВ

ДЕТИ ВОЙНЫ О ВОЙНЕ

Сборник
Вячеслав Константинович Зиланов
Анна А. Луговская
Дети войны о войне

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54133129

Дети войны о войне / А. Луговская, В. Зиланов: Алгоритм; Москва;

2020

ISBN 978-5-907255-49-4

Аннотация

В книге представлены оригинальные воспоминания детей, на долю которых выпали тяжелейшие лишения в годы Великой Отечественной войны. Посредством детского восприятия они возвращают нас к тем суровым временам, когда каждый день надо было бороться за то, чтобы... прожить до завтрашнего дня. И так все 1418 (!) дней и ночей военного лихолетья.

Дети, опаленные войной, страстно ждали ПОБЕДЫ, и она пришла к ним на плечах их отцов, матерей, братьев, сестер, бабушек и дедушек. Но и наступивший мирный период, особенно его первых лет, потребовал невероятного напряжения человеческих сил для того, чтобы послевоенное детство стало поистине счастливым.

С теплотой и с пониманием всех сложностей, которые им пришлось пережить вместе со всей страной, дети войны отдают свои признание и любовь тем, кто бережно хранил их жизни и ввел в мирное время.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Вместо предисловия	6
Богданов С.И	10
Вульфович Б.А	20
Конец ознакомительного фрагмента.	37

А. Луговская, В. Зиланов

Дети войны о войне

© Луговская А., 2020

© Зиланов В., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

*Посвящается 75-летию Победы в Великой
Отечественной войне*

*Нашим матерям, бабушкам, отцам,
дедушкам, всем родным и близким, кто сохранил
нам жизнь*

Вместо предисловия

Традиционно мы, те, на долю которых выпало жить в годы Великой Отечественной войны, собираемся 9 мая в ДЕНЬ ПОБЕДЫ, чтобы отметить этот для нас великий день. Вспомнить добрым словом павших на войне и ушедших уже в мирное время.

За праздничным столом с годами все меньше и меньше тех, кто с оружием в руках освобождал Отечество от фашистов. Они покидали нас в силу перенесенных военных лишений, ноющих ранений. Да и время их забирает.

На смену им пришло новое поколение, которое в детстве прошло через жернова войны и выжило. Им сейчас за 70–75 и более. Для нашей страны весьма уже преклонный возраст. Но и их с годами за праздничным столом становится все меньше и меньше. Время и здесь нещадно отбирает их.

И вот замечаю. Чаше стали собираться на похоронах. Нерадостное это событие – расставаться с теми, с которыми войну пришлось пройти в детские годы. Пусть и в разных местах нашего некогда большого Советского Союза.

За поминальным столом воспоминания об ушедшем. По обычаю нашему – только хорошее. Да еще о том, что и война отняла у него часть жизни. Вот не прошел бы усопший ее в детстве, глядишь, и больше прожил бы.

Молодежь, в основном родственники, с интересом нас

(уже стариков по их меркам, да и действительно это так) слушают. Иногда с заинтересованностью задают вопросы о том времени. Они и покидают стол поминальный первыми. Никаких обид. У них жизнь впереди, да еще и в по-своему трудные, без «тормозов», рыночные времена.

За завершающим столом остаются только самые близкие родственники и мы – дети войны. В один из таких дней предложил своим соратникам – надо бы оставить сменяющему нас поколению память о том детстве, пережитом нами в военные годы. Большинство поддержало это предложение. Так и родилась эта книга. В ней воспоминания тех, кто близок мне, и тех, с кем столкнула меня жизнь. Их повествования воспроизведены в книге в оригинальных, ими представленных текстах, без какой-либо редакции.

Посчитал также, что нет необходимости давать краткую биографию каждого и достигнутые за годы жизни успехи. А они есть и немалые. Это и Герой Социалистического труда, Лауреат Государственной премии Правительства СССР, Почетные граждане городов, областей, генерал, выдающиеся журналисты, доктора и кандидаты наук, специалисты высокого класса в своей области деятельности. Все они получили в послевоенный период бесплатно прекрасное образование и состоялись, как специалисты в своей области, в Советском Союзе. Но в военное время все мы были объединены одним, но емким понятием – детством, что и составляет основу воспоминаний, которые и расположены в книге в алфавитном

порядке по их фамилиям. В настоящее время авторы этих очерков живут в России, Белоруссии и Украине, там, где их «определила» судьба военного времени и неожиданный развал Советского Союза.

Надеюсь, что книга найдет своего читателя и особенно среди сменяющего нас поколения. Мирного им неба над головой и памяти о тех, кто отстоял его. Пусть помнят и пронзительную песню «Дети войны» на стихи Митча Радича:

Дети войны. Смотрят в небо глаза воспалённые.
Дети войны. В сердце маленьком горе бездонное.
В сердце, словно отчаянный гром, Ленинградский
гремит метроном.
Неумолчный гремит метроном.

Дети войны набивались в теплушки открытые.
Дети войны хоронили игрушки убитые.
Никогда я забыть не смогу крошки хлеба на белом снегу,
Крошки хлеба на белом снегу.

Вихрем огненным, чёрным вороном
Налетела нежданно беда.
Разбросала нас во все стороны,
С детством нас разлучив навсегда.

Дети войны в городках, в деревеньках бревенчатых.
Дети войны. Нас баюкали русские женщины!
Буду помнить я тысячи дней руки близких чужих

матерей,
Руки близких чужих матерей.

Застилала глаза ночь кромешная.
Падал пепел опять и опять!
Но спасением и надеждою
Нам была только Родина-мать.

Дети войны. Стали собственной памяти старше мы.
Наши сыны, этой страшной войны не видавшие —
Пусть счастливыми будут людьми! Мир их дому, да
сбудется мир.
Мир их дому, да сбудется мир!

Пусть счастливыми будут людьми!
Мир их дому, да сбудется мир.
Мир их дому, да сбудется мир.

Дети войны.

Зиланов В.К. 07 ноября 2019 года

Богданов С.И
Моя Война

Эта моя война всегда со мной. С неё не вернулся мой отец и много близких людей.

Я родился 4 августа 1941 года в Больнице 10-го Октября, что на набережной Фонтанки, рядом с Калининским мостом и Адмиралтейским судостроительным заводом. Ленинград люфтваффе бомбили уже давно, и завод был одной из главных целей. В день моего рождения бомба попала в соседний корпус больницы. Роды были непростыми, и мы вернулись домой 15 августа.

Отец работал мастером на Кировском заводе и должен был ехать на Урал организовывать новое производство. Кировский строил КВ. Но мама побоялась ехать в эшелоне на последнем месяце беременности. Поэтому он записался в добровольческий танковый батальон Кировского завода. И 9 августа эшелоны ушли, а он даже не смог подойти к роддому. Прислал только с дедом записку – назовите Сергеем. 10 и 11 августа он отправил два небольших письма со станций Мга и Бологое.

Наша семья – мама, папа и его родители – жили в ближайшем пригороде Ленинграда, дачном поселке Володарский (до революции и в последнее время – Сергиево). В саду уже был вырыт окоп, куда все прятались во время бомбёжек. Правда, мама ночью обычно оставалась в доме, даже во время бомбёжки. Однажды это чуть не стоило нам жизни. Бомба попала в соседний маленький домишко. В результате

дверь в нашу комнату уложило на диван, на котором мама обычно лежала со мной. Но в этот налёт она спряталась под кровать в другом конце комнаты. Нашему домику, конечно, досталось, но летом 1944 мы нашли его сруб с пробоинами в стенах и без крыши. От большинства домов остались только печные трубы.

Конечно, ничего этого я не могу помнить по возрасту. И все мои воспоминания – это рассказы мамы и бабушки, но некоторые моменты с лета 1944 я точно помню сам. Моё детство, школьные и студенческие годы проходили здесь же. Поэтому все рассказы мамы и бабушки легко привязывались к местности. Кроме того, начиная с окончания 5-го класса я каждое лето ходил в велопоходы с нашим учителем физкультуры Александром Николаевичем. Это были путешествия по 20–25 дней по Ленинградской, Новгородской, Псковской областям и даже Эстонии.

Наш учитель, выпускник физкультурного техникума, всю войну прошёл в дивизионной разведке. А в те годы война ещё проглядывала там и там. Особенно в этих местах.

Вернёмся в Володарку. Хотя мы и находимся на перекрёстке двух Царских дорог – «Царское Село – Петергоф» и «Павловск – Стрельна» – никаких боёв вокруг нас не было. Однако 15 сентября в поселок вошли практически без боя немецкие части. Говорят, в конце нашей улицы какой-то парень отстреливался из винтовки, но был быстро убит. Немцы продвинулись ещё на 4–5 км в сторону центра города и

в районе Лигово встали на 900 дней. Зато нас стали периодически обстреливать корабли Балтийского флота, которые были установлены на мель в Маркизовой луже.

Немцы быстро установили порядок. Но однажды ночью кто-то убил немецкого солдата, и все лица мужского пола, главным образом старики-пенсионеры, включая моего деда Степана, были угнаны в неизвестном направлении. Как выяснилось потом, на лесоповал в Ленинградской области. Дом, в котором располагалось гестапо, стоит до сих пор. В нашем доме квартировал немецких врач. Он занимал большую часть дома, а мама со мной и бабушкой занимали одну комнату.

Когда кончились продукты, бабушка и мама ходили в другие поселки чтобы выменять какие-нибудь продукты.

Зима в 1944 году пришла рано, и в ноябре батюшка, который жил недалеко от нас, крестил меня в проруби у своего дома. Моя бабушка придерживалась старообрядческой веры. А я был её единственным внуком от единственного оставшегося в живых сына.

Где-то в это время, по рассказам мамы, я заболел дифтеритом и был обречён. Но доктор, который жил в нашем доме, высосал пленку через трубочку и тем спас мне жизнь.

Понимая, что они здесь надолго, немцы стали зачищать территории между линией фронта у Ленинграда и Ораниенбаумским пяточком от гражданского населения. Они строили женщин и детей с пожитками на санках в колонны и гна-

ли под конвоем до станции Красное Село. Там грузили в товарные вагоны и везли трое суток до станции Вейрман. Наш конвой был последний в конце декабря 1941. Где-то в районе Новоселья конвой был обнаружен с Пулковских высот, и корабли нанесли удар. Всё обошлось, но на санках, где я лежал, осколок отрубил кусок доски.

В товарняке нас везли три дня. Выходить не разрешалось. При попытке выйти из вагона стреляли насмерть. На станции из вагонов вышла только половина. Построили колонну, вещи приказали оставить у вагонов. Путь колонны лежал в концлагеря в Эстонии.

У выхода из станционного посёлка мама и бабушка поняли, что им нечем перепеленать ребёнка. Они вышли из колонны и сделали вид что пеленают ребёнка. Когда колонна прошла, мама побежала на станцию, где увидела, что съезжаются окрестные крестьяне и разбирают пожитки. Она нашла наши санки, но когда вернулась, не обнаружила бабушку. Правда, осмотревшись, она увидела бабушкин платок на крыльце дома.

В доме жила бездетная эстонская семья, которая стала уговаривать оставить ребёнка, т. к. их всё равно гонят на смерть. Но утром мама и бабушка продолжили путь за колонной. Отойти было невозможно. Через сутки в большом селе Ивановское, где колонна пережидала непогоду, бабушка подкупила старосту, и тот сказал немцам, что это люди из его села и могут здесь остаться. Именно в этой точке наши

жизни были спасены, хотя впереди ждали не меньшие опасности.

Нам выделили комнату в доме на берегу озера. Мама сразу заболела тифом, но бабушке удалось её выводить. Главной проблемой для бабушки было достать для меня козье молоко. Наступила весна, и бабушка пошла пасти коз.

Маму с местными крестьянами немцы стали гонять в окрестные леса, где проходил Лужский рубеж, чтобы захоранивать останки наших солдат. Этот ужас остался у неё в памяти на всю жизнь. И конечно, рассказывать об этом она не любила.

Улица села Ивановское, на которой нас поселили, была на отшибе и проходила вдоль берега очень глубокого озера шириной 500–700 метров. Сразу за озером начинались бесконечные глухие леса. В селе не было постоянного гарнизона немцев, но они частенько здесь проезжали.

Как известно, партизанское движение в Ленинградской области в основном представляли отряды, созданные НКВД и переброшенные через линию фронта. Условия местности – леса, болота – позволяли делать это довольно легко. Один из таких отрядов присматривал за Ивановским. Мама не могла остаться в стороне и стала регулярно ходить на станцию за керосином, солью и другим, что можно было купить там для себя и соседей. 15 км в одну сторону, 15 км обратно. Бабушка была очень недовольна этим, упрекая, что она не думает о ребёнке. На случай ухода в лес зимой у меня были штаны с

пришитыми валенками и пальто с пришитыми рукавицами.

Из рассказов мамы и бабушки я помню, что с местными они жили дружно и, когда я однажды летом 1943 заснул под банкой в лодке, меня искала вся деревня. А ещё говорили, что я ходил к соседнему дому и просил: «Ольга, дай хлеба!» Наверное, всё же питания не хватало.

Очевидно, кто-то стукнул немцам, что в селе бывают партизаны. И когда мама ушла в очередной раз на станцию, к нам нагрянуло гестапо. Они перевернули нашу комнату, взяли фотографии и бумаги, включая два письма отца, говорили, что, когда гестаповец ударил бабушку, я стал на него нападать и тоже получил оплеуху. Но это, возможно, легенда.

Маму они ждали в доме у дороги, куда она обычно заходила на обратном пути. Но она никогда не брала в дом поклажу, зарывала её в снег. Улик не было. Но операция по прорыву блокады уже началась.

В гестапо в Кингисеппе, куда её привезли, был один допрос с побоями, потом два дня шум, гам в здании и затем тишина. На следующий день дверь открыл полицей-эстонец и выпустил их домой.

Очень скоро мама стала работать в снабжении НКВД в Кингисеппе, и мы с бабушкой переехали к ней. Мама получила пропуск в Ленинград, куда ездила по делам и где нашла в больнице тётю Катю, которая вскоре умерла.

В это время мы не знали ничего ни об отце, ни о бабушке, поэтому бабушка хотела скорее вернуться в Володарку.

Недалеко на нашей улице от немцев осталась целой баня. Саперы быстро превратили её в приличное жильё с настоящей русской печью, в которой можно было помыть меня.

В июне 1944 года мы с бабушкой и мамой приехали в Володарку в сопровождении злющей козы, которая не раз наказывала меня за потерю бдительности. Вскоре вернулся дед. Старый русский солдат, отдавший свои серебряные кресты на газету «Правда», недолго пробыл на лесоповале. Поскольку охрану несли пожилые немцы, он использовал момент, когда сторож приснул, и рванул на псковщину, где жили его сестры.

Когда стало ясно, что отец не вернётся, мама вышла замуж за офицера и уехала с ним в Германию. Через полгода я тоже проезжал через развалины Берлина. Во время жизни в Германии я очень не любил немцев, хотя взрослые были гораздо спокойнее. Я мог напасть на детсадовскую группу под прикрытием нашей немецкой овчарки. Мама перестала брать меня в магазин, потому что я какого-нибудь немчурёнка обязательно да зацеплю. А дружил я со взводом охраны командира дивизии, казарма которого стояла в нашем дворе.

В 1947 мы вернулись в Ленинград. Мама уже взяла участок, и к осени можно было въезжать в дом, которой отец и братья отчима срубили в Архангельских лесах.

Росли мы на земле, на которой не было живого места. Траншеи, окопы, блиндажи, противотанковые рвы, доты дзоты – всё это адреса наших игр. В 44–45 танки без башен –

наши, немецкие – на дорогах. К 1947-му крупный металлолом был убран. Но оставались мины, снаряды, патроны, порох. Много пацанов ушли или покалечились. Оружие перестали находить годах а 55-56-х.

И все мы хотели быть летчиками или разведчиками.

И сейчас я думаю: родился под бомбами и сейчас опять живу в стране, где идёт война...

Вульфович Б.А

Это было вчера...

Начало войны мы с мамой встретили в Ленинграде, где жили в комнате большой коммунальной квартиры в районе Старо-Невского проспекта. Отец, грузчик морского торгового порта, в декабре 1940 года завербовался на заработки на золотые прииски в Артёмовск-Бодайбо Красноярского края. Уже после войны стало известно, что в конце 1942 года, ни-

чего не зная о нашей с мамой судьбе, он был призван солдатом в Красную Армию, воевал в пехоте и погиб в битве под Ельней в сентябре 1943 года.

И до отъезда отца, и после него мы жили очень бедно; мама не работала, наверное, чем-то болела, а зарплаты отца, а потом его переводов из Бодайбо едва хватало на жизнь.

К 22 июня 1941 года мне было уже 11 лет и 8 месяцев, я окончил 4 класса, а потому ясно помню почти всё из блокадной жизни. С самого начала войны в Ленинграде стояла чудесная летняя погода, не было никаких налётов, тревог, всё жило и работало как всегда. По крайней мере, мне так и казалось, когда я видел открытые магазины и Мытнинский рынок, продавщиц мороженого и газировки, а также исправно работающие неподалёку баню и кинотеатр. Конечно, мы с мамой знали, что многие школы, наверное, и моя, отправляют детей из Ленинграда куда-то вглубь страны. Но как это могло относиться ко мне, как мама могла отпустить меня с кем-то и остаться одной? Кто может лучше, чем она, защитить её единственного ребёнка? И вообще, зачем это делать, если пока почти ничего не изменилось?...

Газет и до, и после отъезда отца мы не покупали; телефона, ни у кого в квартире, естественно, не было. Соседи, ещё 9 семей в длинном коридоре, с началом войны как-то разобщились – совсем не в духе ностальгической телепередачи «Старая квартира». Поэтому все новости мы узнавали только по радио, чёрная тарелка которого висела у нас в комнате.

По нашей бедности, никаких съестных запасов у нас никогда не водилось; введённые в июле карточки – иждивенческая и детская – позволяли нам кое-как существовать, благо, мы и до войны привыкли жить скудно.

Были у нас в городе и родственники. Со стороны мамы – её незамужняя сестра Зина 43-х лет, работавшая медсестрой в Военно-медицинской Академии и получавшая более чем скромное жалование. Его едва хватало, чтобы содержать сорокалетнюю парализованную сестру Фаню и стареньких родителей. Ещё до войны, в 1940 году, дедушка умер и они остались втроём.

Жили они в небольшой полуподвальной квартире на 8-ой линии Васильевского острова. Устроить свою личную жизнь тётя Зина не могла, имея нищенскую зарплату и бесконечные хлопоты с инвалидами-домочадцами. По этой же причине она не смогла и эвакуироваться с ними из Ленинграда, а ведь такую возможность Академия предоставляла далеко не всем вольнонаёмным служащим. Уже в самом начале войны, летом 1941 года, умерла бабушка, а в ноябре от голода-холода погибла и тётя Фаня. Они были похоронены в братской могиле в дальнем углу Еврейского кладбища. Тётя Зина осталась одна на долгие месяцы блокады и на десятки лет после неё.

Другая моя родственница – тётя Сарра – жила со своим мужем, дядей Борей, в престижном доме на Адмиралтейской набережной. Этот дом подковой огибает Александров-

ский сад и историческое здание Адмиралтейства, золотой шпиль которого устремлён на перспективу Невского проспекта. Только представьте себе: окна их квартиры выходят на Неву с видом на Ростральные колонны, на стрелку Васильевского острова, на Дворцовый мост и Петропавловскую крепость, а слева открывается Сенатская площадь со вздыбленным конём Петра Великого! Впечатляет?

Тётя Сара и дядя Боря Белицкие благополучно пережили блокаду, чему, возможно, помогли два обстоятельства. Во-первых, у них были приличные запасы ценных продуктов, таких как сахар, крупа, тушёнка, а во-вторых, им было совсем близко ходить за водой на Неву. Зимой – к проруби. Такая близость к воде, пригодной и для питья и для помывки, стоила для выживания не меньше, чем хлеб. Многие за­мертво падали каждый день в многокилометровых походах в мороз и пургу за парой бидончиков воды. Лишь некоторые имели большие молочные бидоны, которые можно было крепить на санки и, впрягшись в воз, тянуть драгоценную поклажу...

В июне-июле мы с мамой примерно раз в неделю выбирались на Васильевский остров к тётке Зине с её немощными иждивенцами; у тёти Сарры были в гостях раз или два и выглядели там очень жалкими.

В июле уже начались воздушные налёты; количество тревог нарастало с каждым днём, доходя до десяти и более. В начале августа небо над центральной частью города стало

черно-багровым: начали гореть Бадаевские склады, где хранились основные продуктовые запасы города: мука, крупы, постное масло, сахар. Эти гигантские деревянные склады были расположены сравнительно недалеко от Старо-Невского, и я попытался пару раз проникнуть туда, чтобы чем-либо поживиться. Наивные попытки: несколько рядов бойцов оцепления и пожарных окружали пылающие склады, стояла страшная жара, ревели сирены, воздух был пропитан сладковатым смрадом жжёного сахара, внутри и вне зданий раздавались частые взрывы из-за массированных налётов фашистской авиации.

Вопреки официальным сведениям, мне кажется, что немцы не хотели полностью разрушать и сравнивать с землей красавец-город, а решили сохранить его для себя. Поэтому они бросали, как правило, зажигательные бомбы, которые вызывали панику и пожары. В каждом доме стали спешно организовывать команды по их тушению, в основном из мальчишек 12–15 лет; 16-17-летние рыли окопы, а парни 18 лет и старше сразу же были взяты в армию.

В нашей «пожарной» команде было что-то около 15 ребят примерно одного возраста. Нас собрал какой-то военный, отвёл на чердак нашего пятиэтажного дома и стал объяснять, как надо тушить бомбу, если она пробьёт крышу, взорвётся и устроит пожар на чердаке. Хотя наш дом каменный, все его чердачные перекрытия были деревянными. Бомбы начинялись фосфором и очень красиво горели, разбрызгивая из

огненного центра гигантские снопы искр, как на праздничном фейерверке. От каждой такой искры сразу же загорались стропила или балки. Температура огня достигала 1000 и более градусов; было очень жарко и почти не страшно.

На чердаке стояли какие-то огромные чаны с затхлой водой. Как-то раз один из парней схватил большими специальными клещами начавшую разгораться бомбу и бросил её в воду. Что тут началось! Мы совсем забыли, что тушить зажигалки можно только одним способом – быстро забрасывая их песком, чтобы перекрыть доступ кислорода. А вода только усиливала горение.

Наша команда была разбита на три смены, и дежурства длились по 7–8 часов. Однако самое для нас неприятное, пожалуй, было в том, что запасы песка, заранее заготовленные, довольно скоро заканчивались. Мы договорились, что смена, прежде чем уйти с дежурства, натаскает песок со двора и заполнит им ящики. Поднимать носилки с песком на чердак было очень тяжело, брали понемногу, и это отнимало у отдежурившей смены ещё пару часов.

К нашей работе мы относились скорее как к игре; бывало, за всю смену ни одной бомбы к нам не залетало, а когда это случалось, со временем всё чаще и чаще, мы несколькими лопатами забрасывали её песком, не давая разгореться. Но вот однажды я поднимался на чердак в самый разгар налёта. Лестницы подрагивали, громко и противно ревели самолёты, выли сирены, непрерывно хлопали зенитки. Наверху я

увидел четырёх ребят, склонившихся над пятым. Он лежал в чердачной пыли навзничь, верхняя часть головы была срезана как бритвой, а глаза широко открыты... Это была первая смерть, виденная мной глаза в глаза. Позднее, зимой, идя за хлебом или за водой, мы часто натыкались на лежавших на земле людей, слегка припорошенных снегом. Иногда на них уже не было шапок, валенок или платков. Но это не вызывало особой реакции, видимо, мы уже притерпелись и к смерти привыкли...

Зима наступила неожиданно и очень рано. Мне кажется, что уже в ноябре всё как будто оцепенело и замерло. Мама откуда-то и непонятно за какие деньги принесла к нам в комнату крохотную печурку-буржуйку. Мы её установили рядом с окном, чтобы труба доставала до форточки. Вначале чуть не устроили пожар: раскалённая труба начала обугливать фанерную разделку, приделанную к форточке. Потом мы её заменили на жестяную.

Постоянной заботой было топливо. Постепенно сожгли всё, что могло гореть: обеденный стол, этажерку, шкаф, стулья, даже несколько книг, которые оказались в доме. Во дворе нашего дома стояли длинные двухэтажные деревянные сарайки, в которых хранился всякий хлам. Один из маленьких отсеков сарайки принадлежал и нам. Конечно, мы его с большим трудом разломали и сожгли в первую очередь. Ходили и спали мы одетыми в свитера, пальто и шапки; на ночь снимали только валенки. Топливо берегли и топили только по

часу раз в день.

Воду мы добывали сравнительно легко: от нас до Невы в районе Александро-Невской Лавры было всего около двух километров. Туда мы добирались за час, обратно – за два и приносили домой воду в алюминиевом бидончике и в трёх кастрюльках, за ручки которых крепились верёвочные дужки. Она почти не проливалась, потому что быстро покрывалась коркой льда. Воды хватало дня на два, а то и на три, если мы сэкономили на мытье. Дело в том, что нас одолевали вши. Я знаю, что мы поступали так, как и в других семьях, а именно: каждый день, склонившись над лучиной или коптилкой, мы очищали швы наших рубашек, а потом вывешивали их за окно на выморозку. Головы вычёсывали по несколько раз на день и подолгу. Выше я упомянул лучину и коптилку. Поскольку электричества с ноября не было, а окна плотно занавешивались старыми одеялами для тепла и светомаскировки, все освещались час-другой свечками, если они ещё оставались, а в основном – коптилками и лучинами. Керосин у нас быстро кончился, и мы стали заготавливать лучины. Ножи наши были очень тупыми, навыков – почти никаких, а ведь приготовить хорошую, «долгоиграющую» лучину – настоящее искусство! Впоследствии, находясь в детдомах Костромы и Ярославля, я оказывался большим умельцем и в борьбе со вшами и в изготовлении очень тонких и ровно горящих лучин, которые мы втайне от воспитателей зажигали по ночам.

Ну, а главное, конечно, – это хлеб. Многие думают, что столь знаменитая пайка в 125 граммов в день выдавалась чуть ли не все 900 дней блокады. Это не так. После потери Бадаевских складов и по мере затягивания блокадной петли, нормы продуктов по карточкам систематически уменьшались – и по «ассортименту,» и по объёму. Сначала начали сокращать тушёнку, потом последовательно масло сливочное и постное, сахар, крупы и, наконец, хлеб. Действительно, в течение двух долгих месяцев с декабря 41-го по февраль 42-го ничего, кроме одного кусочка хлеба, похожего на глину, мы не имели. Быть может, поэтому магические «125 грамм» и стали блокадным символом, сжимающим нам горло и сейчас, спустя почти 70 лет...

В конце декабря, под Новый год, мы с мамой решили навестить тётю Зину. Вышли утром, как следует обвязавшись платками поверх пальто. Днём добрались до места и долго стучали в заледенелое тётино окно, выходящее во двор. Тётю мы узнали с трудом: она вся отекала и была одета в какие-то немислимые хламиды и платки, глаз её совсем не было видно.

Она уже жила одна, рассказывать о том, как погибли бабушка и тётя Фаня, не хотела, только её глаза всё время намокали, хотя она и не плакала. Потом из маленькой тумбочки она достала крохотную кастрюльку и глубокую тарелку. В кастрюльке была чечевичная каша! В тарелке был студень из столярного клея! Это был её царский подарок нам – двум

пока ещё живым родным людям, сестре и племяннику. И если «125 грамм» есть наш всеобщий символ блокады, то че-чевица навсегда осталась только моим; она выразила собой всю радость и счастье еды...

С мамой тётя Зина увиделась тогда в последний раз, а я с тётей встретился только после войны, когда вернулся к ней из детского дома в Ленинград в 1945 году. С того памятного декабрьского дня мы с мамой вообще никуда из дому, кроме как за водой и за хлебом, не выходили. Шли только вдвоём, боясь, что один, если упадёт, то может и не подняться. Но в самом конце февраля мама так ослабела, что выходить на улицу не могла, а только лежала и ждала меня.

И тут неожиданно объявили, что на март хлебная норма для иждивенцев и детей увеличивается до 250 граммов. Я принёс домой карточки и пытался объяснить маме, уже почти не встававшей с кровати, какая это радость – теперь мы будем жить! Она слабо улыбалась, всё гладила меня и что-то тихо говорила, говорила...

8 марта 1942 года она уже не проснулась. Были особые бригады, которые обходили комнаты и квартиры домов, улицы и переулки и подбирали погибших. Назавтра унесли и маму, определив её на последний покой на Пискаревском кладбище, справа по ходу, в огромном холме «Март 1942». Так я остался один, никому в принципе не нужный. Но это только на первый взгляд. Мама, уже с того света, существенно поддержала меня, даря мне каждый день марта свои 250 грам-

мов хлеба. Потому я и выжил. Конечно, на апрель я получил карточку уже только на себя...

В последний день марта я совершил поход на Васильевский остров к тётке Зине. Она была жива, но всё время только лежала, вконец ослабленная и ко всему равнодушная. Она-то и посоветовала мне сходить к тётке Сарре с дядей Борей и, если примут, то остаться у них. В первых числах апреля я так и сделал.

Повторю несколько деталей об этой семье, которые имеют, если не прямое, то косвенное отношение к последствиям моего визита. У них было двое детей: дочь, моя двоюродная сестра Дуся, эвакуированная в город Энгельс на Волге (муж её, лётчик, был на фронте), и младший сын Нона, второкурсник Академии Художеств и любимый ученик академика живописи Юона. В июле 1941 года, в 19 лет, он ушёл в народное ополчение и пропал без вести, оставив незаживающую рану у родителей до конца их жизни. В те далёкие дни апреля 1942 года они надеялись, нет, просто верили, что Нона жив, быть может, ранен, но что он обязательно вернётся домой!

И вот стук в дверь, но вместо долгожданного сына на пороге стою я, жалкий укутанный скелетик, который просится в нахлебники и в тепло их дома-крепости. Дядя Боря очень рассердился моему неожиданному появлению; он долго возмущался легкомыслием моего отца-босняка, который всю жизнь витал в облаках и не сумел материально обеспечить семью, а потом вообще её бросил! (Да не бросал он нас,

не бросал, а уехал на заработки!) «Да и мама хороша, – продолжал он, – не захотела отправить меня вовремя из города, сама погибла и оставила сына на произвол судьбы!» Тётя Сарра, никогда не имевшая в семье права голоса, молчала и тихо всхлипывала, умоляюще глядя на него.

После довольно долгой и неприятной сцены меня оставили. Квартира состояла из двух небольших уютных комнат, кухоньки и сравнительно просторной прихожей. Потолки в квартире были очень высокими, поэтому в прихожей у них были оборудованы антресоли. Дверок они не имели, но оказались весьма просторными – размером не менее 2 x 2 метра. Сидеть в них можно было с трудом, но лежать в полумраке – очень приятно. Туда меня и определили, предварительно убрав холсты и краски Ноны. Решение было мудрым, ибо куда ещё девать грязного и завшивленного племянника, свалившегося как снег на голову!

Мне поставили условие: как только вернётся Нона, я должен буду отправиться к себе домой на Херсонскую улицу. Увы, это случилось гораздо раньше – через три дня после моего новоселья.

Именно через три – по числу украденных мной кусков сахара. Уже в первую же ночь я нащупал у себя за головой в стенке небольшие дверцы, закрытые на висячий, но неисправный замочек. Когда в доме стало тихо, я потихоньку открыл дверцы и в темноте нащупал на двух полках матерчатые мешочки. У одного из них были острые неровные бока.

Я не без труда развязал его тесёмку. Там оказалось целое сокровище: килограмма два, а может и больше кускового сахара, которого теперь уже и делать-то, наверное, не умеют! С маленьким осколком такого куска выпивали вприкуску когда-то целый стакан чаю! После войны такой сахар, да и специальные щипчики для его колки ещё выпускали; теперешний же кусковой сахар никуда не годится: прямоугольнички моментально тают во рту от первого же глотка воды, уничтожая само понятие «чай вприкуску»!

Наслаждался я первым куском всю ночь. Сахар был крепок, как камень, приходилось его посасывать, а при попытках немного откусить я чувствовал во рту солёное – слабые дёсны сильно кровоточили, да и хрустеть было очень опасно. К рассвету я этот кусок одолел, но при сумеречном свете увидел на своей подушке большие розовые подтёки слюны и крови, что выдавало меня с головой. Подушку я перевернул в надежде, что кражи никто не заметит. Целый день я ходил сам не свой от страха, но всё равно ждал с нетерпением ночи, чтобы всё повторить. Во вторую и третью ночь я старался выбирать куски поменьше и сосал их лёжа на спине, чтобы не так текла слюна.

Но днём после третьей ночи моё воровство открылось. Дядя Боря полез на антресоли за припасами и обнаружил плохо завязанный мешок с сахаром, а также прямые доказательства моего преступления: острые крошки сахара на одеяле, на котором я спал, и окровавленную наволочку. Дядя

дя страшно кричал, называл меня гнусным воришкой, недостойным не только находиться среди порядочных людей, но и жить на свете вообще. Он меня не бил, а продолжал ругать и меня, и моего беспутного отца, у которого только такой сын и мог вырасти. Отец тогда ещё был жив, воевал (дядя Боря имел от армии освобождение) и в 1943 году погиб, так и не узнав о моём позоре.

При скорбном молчании тёти Сарры дядя приказал мне убираться восвояси, что я и сделал, забрав свою хлебную карточку. Возвращаясь через 67 лет к этой истории, я не могу обвинить дядю Бору в жестокости, ведь это я нарушил библейскую заповедь «не укради». Ну а как дядя соотнёс преступление и наказание, он, видимо, Всевышнему уже доложил. Думаю, скоро и я буду держать перед Богом ответ за то, что не устоял перед сладким соблазном, висевшим у меня над головой.

Когда я вернулся домой, то пару дней чувствовал себя бодро, а потом стал впадать в какое-то оцепенение. С большим трудом вставал за водой и хлебом, много спал, прекратил очищать швы рубашки и вычёсывать голову. Я не знаю, сколько прошло времени, но однажды я вскочил с кровати и открыл дверь, в которую громко стучали...

Очнулся я на узкой койке в большом зале, целиком заполненном такими же кроватями. Это был спецприёмник в Александро-Невской Лавре, куда солдатские бригады свозили ещё живых детей из заброшенных квартир.

Здесь-то и спасли мне жизнь: обрили, вымыли, уложили на белые простыни, два раза в день давали суп. Часто ранними утрами на носилках выносили по несколько человек, накрытых с головой простынями, а на их место привозили новых. Пронёсся слух, что нас готовят к отправке на Большую Землю и со дня на день начнётся погрузка в машины. И тут, как нарочно, у меня начался понос, да ещё и с кровью.

Я испугался, что меня не возьмут, а потом так же вынесут, укрытого простынёй. Поэтому во время обходов о поносе ничего не говорил. Через несколько дней, в самом конце апреля комиссия провела последний осмотр и отбор, который я выдержал с большим трудом из-за сильных резей в животе.

Перед глазами у меня стоят картины нашего путешествия по ледяной Дороге Жизни через Ладожское озеро. Было довольно тепло, ярко светило весеннее солнце, длинная колонна грузовых машин медленно ползла по воде, покрывавшей уже сильно подтаявший лёд. Мы двигались днём и ночью, ибо нельзя было терять ни часу: вот-вот должен был начаться ледоход. Как мы узнали потом, этот автомобильный караван был последним: на завтра наша авиация сама стала бомбить и взрывать лёд, готовя фарватер для барж-самоходов и катеров.

Конечно, наш переход был очень опасным. За сутки пути немцы нас трижды бомбили. С обеих сторон трассы стояли наши зенитные батареи, и как только начинался налёт, под-

нимался страшный вой пикирующих штурмовиков, грохот от разрывов бомб и еле слышное на этом фоне тьяканье зениток.

С началом первой бомбёжки колонна остановилась и сидевшая с нами медсестра приказала всем выскочить и лечь в ледяную кашу под машину. Я вконец ослабел, борт нашего грузовика был весьма высок, поэтому я остался в кузове, опустившись со скамейки на пол машины.

Вдруг раздался мощный взрыв, я поднял голову и увидел, как впереди стоявший пустой грузовик стал медленно погружаться в воду вместе с детьми, схоронившимися под ним. Отбомбившись, самолёты улетели, и стало оглушительно тихо. Прибежал военный, накричал на нас и приказал при налётах отбегать от машины как можно дальше и тихо лежать на льду, пока бомбёжка не закончится. Второй раз я так и сделал, а на третий, когда уже совсем стемнело, я из машины выбраться не смог, опять начался сильный понос и озноб от мокрой одежды.

Ночью бомбёжек не было, и мы благополучно добрались до берега. На железнодорожной станции нас погрузили в теплушки и долго везли до Костромы, выгружая на полустанках умерших. В Костроме я полгода провалялся в больнице с тяжелой дизентерией и дистрофией и только потом был определён в детский дом. Затем был перевод в детдом Ярославля, поездки с концертной бригадой по военным госпиталям области, возвращение летом 1945 года в Ленинград,

учёба в школе рабочей молодёжи и Высшем Арктическом Морском Училище, четыре навигации в Восточном секторе Арктики, аспирантура и пятьдесят лет работы в Мурманской высшей мореходке, долгие поездки к жене, детям и внукам на другие берега. Но всё это уже другие истории, обо всём этом – в следующих очерках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.